

УДК [141.7+130.2+316.7](045)

ЖИГАЛЬЦОВА Татьяна Валентиновна, аспирант кафедры культурологии и религиоведения института социально гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 10 научных публикаций

АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ «НАСИЛИЕ» И «РЕПРЕССИЯ» В НАУКАХ ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ЦИКЛА

В статье приведен краткий анализ философско-антропологических и религиоведческих концепций «насилия» и «репрессии». Автор рассматривает теории, согласно которым, культура, общество, государство или власть выступают в роли носителя репрессивных функций.

Ключевые слова: философская антропология, религиоведение, насилие, репрессия, государство, власть.

Термины «насилие» и «репрессия» используются в различных направлениях исследований: в социологии, религиоведении, политологии, культурологии, философии, психологии, антропологии, этнографии; изучаются в контексте феноменологии, функционализма, психоанализа, феминистических концепций, структурализма, цивилизационных парадигм, модернизационной теории и др.; тесно связаны с понятиями «ценность», «власть», «телесность», «толпа», «Другой».

Классические культурно-антропологические и социологические исследователи трактуют насилие как социальную функцию. «Именно функционалистский подход рассматривает такие социальные институты, как набеги и межплеменные войны в качестве связующей группу функции, которая проявляется в общих

нормах и ожиданиях, даже если внешне они носят разделяющий характер. Насилие часто интерпретируется как своего рода объективная данность социального существования человека, которую общество должно уметь контролировать и подавлять»¹, – пишет В.А. Тишков. Функциональный подход может быть использован для выявления истоков (ментальных установок, инструментов осмысления реальности) внутри и межконфессионального, межнационального насилия². Функциональное объяснение истоков насильственных действий как стремление к покою, равновесию в религиозном обществе также дается в работах по философии религии и религиоведению. Например, Жирар Рене считал, что в чистом виде господства ради получения и применения власти не бывает. Это, по мнению Рене, неутоленное

насилие – коллективное чувство, которое ищет и всегда находит заместительную жертву для внутреннего успокоения: «Сообщества миметически переносят всю свою вражду на одну жертву, и благодаря этой иллюзии наступало примирение»³, – считает автор. В работе «Насилие и священное» он пишет: «В священном, то есть в насилии ни одно общество жить не может. Жить в обществе – значит избегать насилия, но... не с помощью подлинного примирения, которое бы тот час ответило бы на вопрос “что такое священное?”», а с помощью непонимания, всегда так или иначе зависящего от самого насилия»⁴. По мнению Рене, в Новое время в Европе произошел новый жертвенный кризис – утрата различия между нечистым и очистительным насилием, ведущим к невозможности очищения⁵, вышедший за пределы священного в большей мере, чем в других обществах⁶. Жертвоприношение – это насилие, призванное успокоить толпу, хотя, к примеру, в христианстве, как пишет автор, вина за насилие ложится не на жертву, а на толпу. Концепция жертвоприношения как ритуала «делания святости» раскрыта в фундаментальных трудах В.Н. Топорова⁷. Космогонические функции ритуала жертвоприношения как строительства нового мира – дома – раскрываются в исследованиях Н.М. Теребихина⁸.

Существует мнение об асоциальной природе насилия, решающем значение внутренней, биологической составляющей человеческой агрессии. Об этом пишут исследователи социобиологического направления: Е. Вилсон⁹, Н. Шэннон и др. Так, Н. Шэннон на примере индейцев Бразилии писал: «...мужчины, кто убивал, имели больше жен и отпрысков, чем те мужчины, которые не убивали»¹⁰.

Во многих теориях культура, общество, государство, власть определяются как репрессивный механизм. Здесь мы подходим к нюансам трактовки терминов «насилие» и «репрессия»: «“Репрессия” в качестве своего субъекта в большей мере предполагает социальную инстанцию, в то время как “насилие” шире по своему субъекту. Оно может исходить от частного лица

или группы, находящейся в самых разных отношениях с государством или такими надличностными сущностями, как культура, диктующая своим адептам репрессию по отношению к нарушителям нормы»¹¹.

Основой для репрессии со стороны государства считается теория «естественного договора» Томаса Гоббса, по которой общество, находящееся в состоянии войны «всех против всех», для предотвращения насилия и блага для общества наделило репрессивными функциями государство. Идею прогрессивного насилия со стороны части общества (например, пролетариата) по отношению к репрессивному государству развивала марксистская теория. Карл Маркс писал: «Чтобы революция народа и эмансипация отдельного класса гражданского общества совпали друг с другом, чтобы одно сословие считалось сословием всего общества, – для этого, с другой стороны, все недостатки общества должны быть сосредоточены в каком-нибудь другом классе, для этого определенное сословие должно быть олицетворением общих препятствий, воплощением общей для всех преграды; для этого особая социальная сфера должна считаться общепризнанным преступлением в отношении всего общества, так что освобождение от этой сферы выступает в виде всеобщего самоосвобождения»¹².

Фридрих Ницше считал, что все в мире обусловлено волей к власти: «...внутренняя воля, которую я называю “волей к власти”, т. е. ненасытное стремление к проявлению власти или применение власти, пользование властью как творческий инстинкт, и т. д.»¹³, отличительной чертой которой является преодоление чего-либо. Культура, по мнению Ницше, не проникает глубоко в человека. Там, где это происходит, одомашнивание становится дегенерацией (тип: христианин). Общество же, наоборот, «никогда не понимало “добродетель” иначе, как средство силы, власти, порядка»¹⁴. Государство в полной мере является воплощением воли к власти. Во вне себя государство характеризуется волей к могуществу, захватам, а внутри – институтом полиции, сословной иерархией, торговлей,

семьей. «У всех вас не хватит духу убить человека, или хотя бы исхлестать бичом, или – да что угодно... но в государстве неимоверное безумие подминает под себя отдельного человека и вынуждает его отвергать свою ответственность за то, что он делает (долг послушания, присяга и т. д.)»¹⁵, – пишет автор.

В психоанализе Зигмунда Фрейда культура понимается как система запретов для человека, т. к. по своей природе человек импульсивен, противоречив. Появление культуры связано с запретом – табу на инцест. По мнению Фрейда, в первобытном обществе (в качестве образца Фрейд рассматривает общество австралийских аборигенов) братья, убившие своего отца в борьбе за обладание матерью и сестрами, чувствуют свою вину и создают тотем как память об отце. У аборигенов Фрейд выявляет признаки невротического состояния, которое генетически вытекает из «первоначального устремления из неудовлетворенной реальности в более приятный мир фантазии», сравнивает их поступки с поступками детей. Именно из анализа детских невротических состояний он делает вывод о перенесении страха перед отцом на тотемное животное. По мнению автора, запреты тотемизма: не убивать тотем и не вступать в сексуальные отношения с женщиной принадлежащей тотему (табу на инцест) являют собой Эдипов комплекс¹⁶.

Проблема компенсации реальных и воображаемых недостатков личности была рассмотрена последователями Фрейда А. Адлером, Г. Лассуэллом: «...человек для компенсации низкой самооценки стремится к власти как средству такой компенсации. Таким образом, самооценка, будучи неадекватной, может стимулировать поведение человека в отношении политически релевантных целей – власти, достижений, контроля и других»¹⁷. Исследователь Карен Хорни уточняет, что только невротическое стремление к власти основано на чувстве неполноценности: «Однако невротическое стремление к власти рождается из тревожности, ненависти и чувства собственной неполноценности. Иначе говоря, нормальное

стремление к власти рождается из силы, невротическое – из слабости»¹⁸.

О репрессивных функциях культуры, реализуемых через общество, говорит А.Я. Флиер: «Но все-таки если пытаться среди целей, реализуемых обществом с помощью культуры, выделить основные, то в число главных, несомненно, попадет и такая оригинальная сверхзадача, как избавление человека от следов его животного происхождения»¹⁹. К следам животного происхождения относятся: рождение и вскармливание младенцев по модели млекопитающих, пополнение энергозапаса, индивидуальная смертность, инстинкт размножения²⁰. Снижение агрессивности между людьми является целью культуры.

По мнению Мишеля Фуко, общество контролирует и принуждает человека при помощи властного дискурса как атрибута культуры. В любом обществе производство дискурса контролируется, подвергается селекции, организуется, перераспределяется с целью сдерживания его властных полномочий. К процедурам исключения дискурса Фуко относит запрет, разделение и отбрасывание (например, безумия), оппозицию истинного и ложного, прореживание говорящих субъектов. Воля к истине, имеющая институциональную поддержку и институциональное распределение, доминирует над всеми остальными дискурсами в современном обществе. В течении времени, воля к истине искала поддержку в науке, теориях богатства и права и др.²¹

Работы Мишеля Фуко оказали большое влияние на формирование феминистской методологии, акцентировании ее на проблемах телесности, власти, сексуальности, насилия между полами. К телесным субъектам, т. е. субъектам неидентичным себе в отличие от субъекта-субстанции, Фуко относит заключенных, больных, сумасшедших, женщин и детей. Для феминистских авторов «женское» становится символом любых телесных репрессивных практик в культуре²². Феминистических исследования показывают зависимость и подчиненность не человека от чего-либо (культуры, общества, властного дискурса), а женщины от мужчины,

что обусловлено, по мнению феминистских теоретиков, традицией ассоциировать женщину с природой, мужчину с культурой, а также исторически объяснимо. К примеру, сексуальное насилие рыцарей в Средние века по отношению к женщинам отражало иерархию социального мира²³. Со слов С. де Бовуар: «...Феномен зависимости внедрен в женское сознание настолько глубоко, что женщина сама гораздо скорее психологически готова принять роль “второго”, “другого”, жертвы, чем сопротивляться ей»²⁴. Например, исследования женской прозы XIX–XX веков показали, что женщина всегда стоит перед выбором: «...Либо она адаптирует мужские рациональные нормы и ценности – и тогда перестает быть “женщиной”, либо она их отвергает – и тогда неизбежно погибает»²⁵.

Исследователи гендерной теории, опираясь на этнографические и антропологические исследования (например, работа Маргарет Мид «Пол и темперамент в трех примитивных обществах», 1935 год), указали на различие в понимании биологического пола и гендера, на то, что культурная конструкция гендера не детерминирована различием по половому признаку²⁶. Работы поднимают вопросы о социальной конструкции пола и репрезентации его в культуре, знакомят с такими проблемами, как переплетение символических и материальных обстоятельств в проектировании и воплощении гендерного неравенства (например, насилие в семье), расовой и классовой дискриминации и др.²⁷

Постколониальные и деколонизационные исследования посвящены теме репрессии колониальных обществ Западом. Проблема национальной идентичности была поднята представителями постколониальных исследований, опирающихся в своих работах на труды М. Фуко, Ж. Лакана, Ж. Дерриды. С позиции постколониального подхода после распада колониальной системы во вновь возникших национальных государствах в ходе исчезновения общественной солидарности и перепроверки легитимности руководящей власти стал происходить процесс постепенного утрачивания национальной и этнической идентичностей, что явилось призна-

ком политической слабости государств: «В ряде стран третьего мира и бывших социалистических странах Восточной Европы национальная идентичность очень слаба и уязвима, и сильный националистический символизм (военные парады, празднование дат освобождения и т. д.) не может скрыть эту слабость. Этнические процессы могут привести к распаду национальных государств на более мелкие единицы...»²⁸. Возникший в конце XX века на стыке философии и политологии деколонизационный подход опроверг базовые постулаты постколониального подхода и предложил кардинальное переосмысление исследований в области социокультурных отношений. Его представители считают, что колониализм является темной стороной теории модернизации, что «все постколониальные общества в той или иной степени по-прежнему являются предметом явных или скрытых форм нео-колониального доминирования»²⁹. Негативным последствием вестернизации явился навязанный стереотип «отсталости» традиционных культур, их бесценностного содержания для передовых, современных, постоянно совершенствующихся европейских культур. Большинство же революционных проектов современности являются продуктами западного модернити: от левых дискурсов до различных видов национализма, включая постколониальный национализм, этноцентризм и религиозный фундаментализм³⁰. Необходима деколонизация мышления, которая привела бы к отказу от изначальной субъект-объектной постановки. Одна из представительниц деколонизационного подхода М. Лугондес считает, что убедительная позиция должна лежать не в переосмыслении навязанных Западом отношений, а в «развитии логики различия и множественности, а также в создании коалиций в этих точках различия. Множественность должна сохраняться в точке редукции, а не сниматься в гибридности (как продукте лишь маскирующем колониальное различие)»³¹.

Таким образом, исследователи не только выявляют проблемы, связанные с концептами «насилие» и «репрессия», но и предлагают варианты их решений.

Примечания

- ¹ Тишков В.А. Теория и практика насилия // Антропология насилия. СПб., 2001. С. 10.
- ² Жигальцова Т.В. Философско-религиозные концепты протестантской культуры раннего модерна: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Тула, 2012.
- ³ Рене Ж. Насилие и религия: причина или следствие? // Логос. № 4(67). 2008. С. 132.
- ⁴ Его же. Насилие и священное. М., 2000. С. 390–391.
- ⁵ Там же. С. 64.
- ⁶ Там же. С. 392.
- ⁷ Топоров В.Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988. С. 37–38.
- ⁸ Теребихин Н.М. Пермский Домострой: строительный миф и ритуал. Архангельск, 2011.
- ⁹ См.: Wilson E.O. Sociobiology. Cambridge, 1975.
- ¹⁰ Chegnon N. Life Histories, Blood Revenge, and Warfare in a Tribal Population. N. Y., 1988. С. 239, 985–992 (цит. по: Rubinstein R.A. Collective Violence and Common Security // Companion Encyclopedia of Anthropology: Humanity, Culture and Social Life / ed. by T. Ingold. London; N. Y., 1994. С. 985).
- ¹¹ Яковенко И.Г. Россия и Репрессия: репрессивная компонента отечественной культуры. М., 2011. С. 4.
- ¹² Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. I. М., 1955. С. 425.
- ¹³ Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М., 2005. С. 345.
- ¹⁴ Там же. С. 394.
- ¹⁵ Там же. С. 395.
- ¹⁶ Фрейд З. Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии // Его же. «Я» и «Оно». Труды разных лет. Кн. 1. Тбилиси, 1991.
- ¹⁷ Гозман Л.Я., Шестопал Е.Б. Политическая психология. Ростов н/Д, 1996. С. 62–64; Психология господства и подчинения: хрестоматия. Минск, 1998. С. 15.
- ¹⁸ Хорни К. Невротическая личность нашего времени. М., 1993. С. 76–115; Психология господства и подчинения. С. 355.
- ¹⁹ Флиер А.Я. Культура как репрессия // Фундаментальные проблемы культурологии. Т. I. СПб., 2008. С. 243.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996. С. 47–133.
- ²² Жеребкина И. Прочти мое желание... Постмодернизм. Психоанализ. Феминизм. М., 2000. С. 31.
- ²³ Каеирер R.W. Chivalry and Violence in Medieval Europe. Oxford, 1999. С. 225.
- ²⁴ Брандт Г.А. Философская антропология феминизма. Природа женщины. СПб., 2006. С. 89.
- ²⁵ Жеребкина И. Указ. соч. С. 34.
- ²⁶ Moore H.L. Understanding Sex and Gender // Companion Encyclopedia of Anthropology: Humanity, Culture and Social Life. С. 814.
- ²⁷ См.: Антология гендерной теории / сост.: Е.И. Гапова, А.Р. Усманова. Минск, 2000.
- ²⁸ Шредер Х. Глобализация, (де)цивилизация и мораль // Социологии и социальной антропологии. Т. I, № 2(2), 1998. С. 71.
- ²⁹ Соловьёва А.Н. Этничность и культура: проблемы дискурс-анализа. Архангельск, 2009. С. 114.
- ³⁰ Tlostanova M.V., Mignolo W.D. Global Coloniality and Decolonial Option // Epistemologies of Transformation: The Latin American Decolonial Option and its Ramifications. Roskilde University, 2009. P. 131.
- ³¹ Тлостанова М.В. От феминизма третьего мира к деколонизации гендерной философии // Вестн. ТГЭУ. 2009. № 1. С. 117.

Zhigaltsova Tatiana Valentinovna

Postgraduate Student of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,
Institute of Social, Humanitarian and Political Sciences

**ANALYSIS OF THE CONCEPTS OF “VIOLENCE” AND “REPRESSION”
IN PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL SCIENCES**

The article provides a brief analysis of philosophical and anthropological as well as religious concepts of “violence” and “repression”. The author examines theories according to which culture, society, state or authorities have repressive functions.

Key words: *philosophical anthropology, religious studies, violence, repression, state, authorities.*

*Контактная информация:
e-mail: zhigava@yandex.ru*

Рецензент – *Теребихин Н.М.*, доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и религиоведения института социально-гуманитарных и политических наук, директор Центра сравнительного религиоведения и семиотики Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова